

Прин Тин Прам для козьявок

Режиссер-авангардист поставил детский спектакль

Спектакль называется «Великаны и козявки»: жанр определен как Прин Тин Прам, продолжительность — две Закураки. Александр Пономарев выпустил его в РАМТе — он поставил стихи Хармса, Маршака, Введенского, Владимирова, Олейникова и Чуковского: дети то смеются, то встревоженно пищат, взрослые многозначительно качают головами.

Известия, — 2001, —

Алексей ФИЛИППОВ

— 29 сент. — с. 8

Пономарев — режиссер молодой. В то же время он один из мэтров нашего рассеявшегося, пребывающего в сетях театрального авангарда — совсем юным театральным человеком Пономарев начинал в режиссерских мастерских при Театре «Ленком» (ими руководил Валерий Фокин), ставил Хлебникова и его коллег-футуристов, позже работал за рубежом и исчез с отечественного театрального горизонта. Пару лет назад Пономарев выпустил «Победу над солнцем» Крученых, а затем и «Шамана и Снегурочку» по «Снегурочке» Островского и «Снежимочке» Хлебникова. Решенный как фольклорное действо спектакль вышел все в том же РАМТе и имел большой успех — во всяком случае, среди тех, кто сделал театр своей профессией.

Верный рыцарь футуристов и обэриутов, Александр Пономарев стал одним из немногих отечественных режиссеров, чье имя превратилось в бренд, раскрученный товарный знак. Слово «Житинкин» переводится как граничащий с кичем коммерческий успех, «Фокин» стало синонимом предназначенного для избранных эксперимента, «Васильев» — высокомерного театрального отшельничества. А Пономарев равен длящемуся многие годы, локальному, но на редкость серьезному исследованию. Он до сих пор занимается тем, чему посвятил себя в юности: Хармс и Пономарев — близнецы-братья.

Между последней работой режиссера и самим Пономаревым есть некоторое противоречие — каждый его спектакль становился событием, но ждуть этого от предназначенной для детей старшего дошкольного возраста по-

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Мы говорим «Пономарев» — подразумеваем «Хармс»

становки все-таки не приходится. Но как опыт она интересна — постановщик переводит своих любимых поэтов на театральный

язык, и реакции заполняющих зал детей показательны.

Спектакль решен в жанре эксцентрической клоунады: ру-

мяна, накладные носы, тексты обэриутов, звучащие как клоунские репризы. У каждого из исполнителей есть свой характер-маска: здесь действуют нахал, робкий, хулиганка, жеманница — обэриутских Арлекинов и Колумбин программа называет Петей, Лизой и Дамой Пи. Это странные, забавные, ни на кого не похожие существа: не дети и не взрослые, важные гномы, со взрослой серьезностью играющие в детские игры.

Хармс, как известно, детей терпеть не мог, его вдова уверяла, что он относился к ним «словно к дряни какой-то». Многих взрослых его детские стихи откровенно пугают — зато дети Хармса обожали. Его выступления, где он, печальный и важный клоун, не только читал стихи, но и показывал фокусы, пользовались у них бешеным успехом. В «Великанах и козявках» ожила обэриутская эксцентрика, ощущение зыбкости поставленного на попа мира — а то, что все это оказалось неожиданно домашним и уютным, надо отнести к достоинствам спектакля.

Потомарев Александр

29.9.01